

Лекция 7

Автор Анатолий Козлович

БЕЛОРУССКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

Тема 7. Белорусская публицистика социалистического реализма. Якуб Колас, Борис Саченко, Вера Полторан, Василь Яковенко, Янка Сипаков, Игнат Дубровский.

План лекции

- 1. В бесконечном путешествии.*
- 2. По пути партии.*
- 3. По течению жизни.*
- 4. В рамках литературной критики.*
- 5. Заданность публициста.*
- 6. Описательность как цель.*
- 7. Незавершенность публицистической задачи.*
- 8. Заменители публицистики.*
- 9. Удачные исключения из традиции.*

1.

Зачем человек пишущий берет в руки инструмент, называемый – «публицистика»? Мы знаем ответы Глеба Успенского, Владимира Короленко, Льва Толстого, Александра Пушкина, Генриха Гейне, Валентина Овечкина, Анатолия Аграновского, Стадса Тёркела, Стеффенса Линкольна, Юрия Черниченко, Анатолия Иващенко, Анатолия Стреляного...

Знаменитые мастера публицистическим инструментом (методом) извлекали из реального жизненного материала идею, уже переполнившую их умы, уже захватившую их сердца. Потому их публицистика интеллектуальная, страстная, тенденциозная, личностная, гражданственная, неконъюнктурная.

За редчайшим исключением, публицисты прямо отвечают на поставленный выше вопрос «зачем?», не без оснований полагая, что перед читателем необходимо предстать понятным, «прозрачным». Чтобы лучше понять белорусских публицистов, поищем в их текстах ответы на тот же вопрос.

В 1929 году народный поэт Якуб Колас побывал на известной в Беларуси стройке, о чем написал очерк «Паездка на Асінбуд». Творческие цели автор формулирует в первом же абзаце:

«Трэба некаторы час пабыць там, бліжэй прыгледзецца да ўсяго, што робіцца навокал, шчыльней звязацца з гэтым вялікім прадпрыемствам, каб адчуць жывы пульс творчай працы і ўлавіць суцэльны комплекс жыцця ў яго мнагагранных праяўленнях. Мая ... паездка на Асінбуд заняла ўсяго пяць дзён, але і за гэты кароткі час набралася так многа ўражанняў, і добрых і бліжэй, і бліжэй»

што адразу нават трудна знайсці адпаведную форму, каб падзяліцца імі з вамі, шануюныя чытачы. Дык буду прытрымлівацца парадку храналогіі”.

Далее следует хаотичный путевой очерк, написанный тяжеловесным языком о том о сем, увиденном на стройке.

В 1929 году на Полесье съездил и публицист Василь Сташевский. Приведем отрывок из его очерка “На сонечным шляху”:

“Саўгас бярэ напрамак жывёлагадоўлі. Адсюль паўстае пытанне аб пабудове розных заводаў для перапрацоўкі прадуктаў сваёй вытворчасці. У першую чаргу намячаецца арганізацыя маслабойнае справы. Далей – пабудова крухмальні, алейні, пнянковага завода і г.д. Такім чынам, савецкая гаспадарка на Марыінскім балоце будзе прадстаўляць цікавы індустрыяльны цэнтр... Прыйшлі сюды і пісьменнікі таксама – не як чужакі, не як выпадкова трапіўшыя. Для свае творчасці ім патрэбна жывая, свежая крыніца. Тут, у гэтым балоце, новая праца, на гэтым балоце свежая крыніца новага светлага жыцця. І яны аб ім будуць спяваць”.

Поэт Михась Чарот чуть ранее, в 1925 году, путешествовал вместе с большим столичным начальником, что и воспел в очерке “1200 вёрст па Беларусі”. Публицистические цели и вытекающие из них творческие итоги видны из следующего отрывка:

“Палову дня прайшло на агляд і знаёмства з мясцовымі ўстановамі: кааператыў, райсаюз, дзяццячы дом і іншыя... У гадзіну дня тав. Чарвякоў рабіў даклад аб XIII з’ездзе Кампартыі... Даклад і адказы на пытанні занялі тры гадзіны. “Пры такім усебаковым падыходзе нашага ЦК да кожнага пытання, – казалі многія з партыйцаў пасля даклада, – мы цвёрда верым, што пабядзім, што зможам зрабіць усё тое, чаго дабіваемся. Зараз нам не страшны ўсе тыя неўвязкі, якія часам здараюцца ў нашай рабоце і сярод сялянства”.

Прозаик Змитрок Бядуля, перевоплотившись в публициста, в очерке “10 дзён падарожжа па Беларусі” писал так:

“З кожным годам усё з большай цікавасцю і імкненнем яны, паэты з аб’яднання “Маладняк”, маршыруюць па розных кутках роднага краю... Першым чынам трэба добра быць знаёмым з тым, што робіцца вакол цябе, а тады ўжо – гайда ў шырокі свет!.. Цягнік імпэтна імчаўся наперад у напрамку да Оршы... Дзіцячая камуна знаходзіцца ў быўшым манастыры за горадам. Там жыве больш 300 дзяцей, у большасці з Паволжа, якія засталіся тут з часоў вялікага голаду. Камуна мае добра наладжаную гаспадарку, на якой дзеці самі працуюць. Яны маюць добра абстаўленыя памяшканні, сваю электрычную станцыю, клуб, школу і г.д. Дзеці выглядаюць добра, загарэлі на сонцы і вельмі бадзёрыя”.

Через полстолетия, в начале семидесятых, в те же края близ Орши (на свою малую родину) прибыл поэт и прозаик Янка Сипаков, превратился здесь в публициста и поставил перед собой цель “грунтоўна паназіраць за якім-небудзь калгасам ва ўсіх чатырох порах года”.

Очерк “Даверлівая зямля” Я.Сипаков насытил деревенскими картинками, личными чувствами, навеянными то цветущим садом, то летним дождиком. Но все это смазывается надуманными, конъюнктурными сентенциями, типа: «Так, вельмі многае змянілася ў адносінах паміж самімі калгаснікамі, паміж

брыгадзірамі, старшынямі і хлебаробамі. Сёння ўжо кіраўнік, калі ён хоча мець аўтарытэт, не можа дазволіць сабе грубасці”.

Тогда же, в семидесятые, публицист Игнат Дубровский, он же ученый-аграрий, колся по Полесью, очутился на берегу уничтоженной мелиораторами речки Ясельды, где на бывшем болоте росли рожь и пшеница – и увидел “шырокае і светлае аблічча новага Палесся”. Публицист-ученый безответственно вывалил на читателя свой поверхностный оптимизм:

“Можа, яшчэ не ўсё ладна зроблена, можа, яшчэ ёсць і недарэчнасці і хібы ў самой аснове пераўтварэння, можа, не ўсё прадугледжана, не ўсе зацятыя тайны прыроды Палесся разгаданы, але тое, што зроблена, – велічна. Тыя ж заганы, тыя недагяды, якія ёсць, трэба больш актыўна лячыць такімі лекамі, як крытыка і самакрытыка, і, закасаўшы рукавы, з усёй заўзятасцю змагацца за высокую якасць усяго, што ні робіш”.

2.

Белорусская публицистика-путешественница семь советских десятилетий умилялась видами Беларуси, походя перечисляла недостатки и неувязки, не останавливаясь для глубокого изучения жизни. Оптимистичное верхоглядство под флагом публицистики было традицией, школой, кампанейщиной. В издательской аннотации к книге одного известного публициста акцентировалось именно то, что пишет он “замілавана і шчыра”.

В предисловии к двухтомнику “Беларускі савецкі нарыс” (1977) литературный критик, специализировавшийся на публицистике, директивно наставляет, что “пісьменнікі звяртаюцца да публіцыстычных жанраў, каб адчуць, увачавідкі ўбачыць нашых “планаў аграмаду”, вялікія здзяйсненні народа, іх велічны духоўны сэнс”.

Искажалась суть публицистики, призванной видеть и правдиво отображать жизнь во всей ее полноте, а не избирательно, «замілавана», в направляющем свете очередного решения КПСС. В этом неестественном свете белорусские публицисты выхватывали из действительности случайные детали, подробно (и зачастую небезталанно!) описывали свои командировочные приключения, с чужих слов фиксировали проблемы (конечно же, временные!), без сомнений прочли “светлое будущее” и человеку, и природе.

“Ты добра папрацуеш, Прыпяць, на камунізм, на наша з табою заўтра, аб якім так хораша сказана ў Праграме партыі”. Так в 1961 году ошарашили публицистическим инструментом Анатолий Клышка и Янка Сипаков в путевом очерке “Паэма дарог”.

3.

Река не имеет цели, кроме течения вниз. Природа – бесцельна. Смысл жизни – в самой жизни. Однако человеку (и человечеству) хочется, чтобы всё и вся имело благородную цель. Жить ради чего-то или кого-то интереснее и, несомненно, легче, чем просто жить.

Публицистика призвана активно участвовать в выработке общественных, социальных и личностных установок. Она берет порцию (срез, отрезок, клубок) бесцельной жизни, пропускает ее через себя, увеличивая концентрацию

образов, мыслей и чувств, заряжает тенденцией, возвращает туда, откуда взяла, - и жизнь обретает цель. Возникает вопрос: какую цель?

Беллетрист Лев Толстой стал публицистом, чтобы своей исповедью и личным раскаянием усовершенствовать человека. Анатолий Иващенко публицистическим инструментом хотел вывести чудесные сорта ржи, а Юрий Черниченко - картофеля. Владимир Короленко и Эмиль Золя публицистическим словом защитили невиновных, разоблачили негодяев. Публицист Стеффенс Линкольн неистово “разгребал грязь” в американской жизни, публицист Анатолий Аграновский – в советской. Глеб Успенский, вооружившись публицистическими идеями, углубился до физиологического проникновения в основы жизни российского общества. Василий Песков в зеркало публицистики вывел и отразил в нем нетленную красоту человеческой души.

Реальная жизнь, обретая в произведениях талантливых публицистов цель и смысл, приобретает и эстетическую ценность. Именно поэтому такие произведения пользуются читательским спросом современников, переживают свое время, сохраняя историческую и эстетическую информацию.

Что хотели белорусские публицисты – мы определить не можем. Их произведения не отвечают по существу. Там лишь декларируется желание “шчыльнай звязацца з прадпрыемствам” (Якуб Колас), “спяваць” (Василь Сташевский), “паглядзец на ўсё Палессе адразу” (Борис Саченко), “з’ездзіць у госці да Пряпяці і яе пятнаццаці прытокаў” (Анатолий Клышка, Янка Сипаков)...

Руководствуясь подобными целями, авторы четко не знали, зачем они едут в командировку и затем отписываются. Для кого пишут? Что хотят сказать? Что доказать? Нет ответа. Публицистические послания белорусских авторов направлены “на деревню дедушке”, в никуда.

Не имея осознанной цели, белорусская публицистика просто плыла по течению жизни, даже не сумев добросовестно и принципиально зафиксировать самое течение и его направление. Белорусская публицистика плыла особым путем, вне мировой тенденции.

Окунувшись в мелкую публицистическую струйку, талантливые поэты и прозаики вроде смывали с себя свои способности видеть и слушать, думать и типизировать. Их публицистическое слово делается “суконым”, небрежным, приблизительным, литературный язык исчезает под напором штампов, творчество превращается в ремесленничество. Снижение творческого уровня белорусских авторов (поэтов и прозаиков) в их публицистике – уникально, печально, симптоматично.

4.

На фоне общих достижений белорусской литературы произведения белорусской публицистики котируются третьесортным товаром. Литературная критика об этом умалчивала и умалчивает до сих пор. Глубоких, масштабных исследований теории и практики белорусской публицистики не существует, два-три литкритика ограничивались обзорами, где определяли, в какой мере тема того или иного очерка соответствует тематике Программы КПСС и “громадьо” партийных планов.

В 1980 году профессор Борис Стрельцов выпустил в издательстве Белгосуниверситета научную монографию под характернейшим названием: “Дзесятая пяцігодка ў беларускім нарысе”. Он пишет:

“Нарысіст, гэтак жа як кожны партыйны журналіст, абавязан услухоўвацца ў рытмы жыцця, у поступ краіны, узважаць рэальныя мясцовыя магчымасці і – што самае галоўнае! – пастаянна вывяраць сваю творчасць планамі і прадвызначэннямі, накрэсленымі Камуністычнай партыяй Савецкага Саюза. Толькі пры гэтай умове можна ставіць у друку праблемныя пытанні, якія атрымаюць шырокі грамадскі рэзананс і будуць фарміраваць грамадскую думку ў правільным кірунку”.

С учетом партийных начертаний профессор и оценил белорусские очерки. Документальный жизненный материал, вошедший в некоторые очерки по праву своего существования, но вышедший за рамки, установленные партией, признал ... неправдой.

Теоретик ограничил пределы публицистического вторжения в жизнь, оставив публицистам привычную роль резонаторов партии. Те публицисты, которым не хотелось быть резонаторами партии, превращались в лириков и певцов. Увы, ставка на позитив в публицистике – контрпродуктивна.

5.

Поскольку белорусская публицистика развивалась особым путем, она выработала особенности, присущие только ей. По мере их накопления они сами стали управлять поведением публицистов и предопределять качество публицистики. Проследим эти процессы на примере творчества Василя Яковенко, одного из ведущих белорусских публицистов.

В книге “Другой зямлі не будзе” (Минск, 1989) публицист настойчиво ищет то, «што мы разумеем пад духоўнасцю». Вот он долго беседует в кабинете с колхозным бригадиром, молодой женщиной Валентиной Николаевной, пытаюсь выведать у нее, что же такое духовность и на чем она держится.

–І ўсё ж, Валянціна Мікалаеўна, калі б вам заўтра прапанавалі кватэру ў Горках ці Кіраўску, працу ў лабараторыі... Вы пагадзіліся б на такі варыянт?

–Не!

–Тады прыпомніце, калі ласка, і скажыце мне вось што: якія моманты вашае працы прыносяць вам самае вялікае задавальненне, магчыма, нават асалоду?

–Цяжка адказаць... – прызналася яна.

–Напэўна, вы не зразумелі... Вось, скажам, поле ўсё лета рухаецца, і розныя фарбы на ім. Я, напрыклад, памятаю, як пахла ў дзяцінстве бульба ў квецені. А ўзяць сена... Багата чаго.

–А я, здаецца, да ўсяго прывыкла...”

Публицист и его герой ведут разговор на разных языках.

Интервьюирующий этого никак не поймет и продолжает мучить собеседницу вопросом, который завладел им без остатка, подталкивает ее к своей цели:

“–А як вы думаеце, – зноў звярнуўся я да Верам’ёвай, – ваша аднакурсніца ў Горках, якая ў лабараторыі, духоўна багацейшая за вас?”

Валянціна Мікалаеўна нейкі момант глядзела на мяне напружана, моўчкі...

-Як ні кажы, у яе часу болей, каб кнігі чытаць, магчыма, і на працы чытае... Ды і сэрыйных фільмаў больш глядзіць... так што не выключана...

-Не-не, я так не думаю!.. Ваша аднакурсніца песціць твар. Вы песціце зямлю, даглядаеце ніву. На сябе ў вас не заўсёды хапае часу..."

На деревню, на сельские цвета и запахи, на всю жизнь публицист и его герой смотрят по-разному. В этом нет трагедии. Публицист, поставив перед собой задачу исследовать наиважнейшую проблему духовности, изучает прежде всего факты, ситуации, наблюдает, слушает, думает. Выводы он сделает, когда накопит документального материала. Но трагедия в том, что публицист явно навязывает герою свое видение темы ("духоўнасці).

Реальная жизнь сопротивляется заданности публициста. Возникает взаимное непонимание, отталкивание. Это выдают тексты не только Василя Яковенко, но и Янки Сипакова, публицистика которого в советские времена признавалась критиками "псіхалагічна дакладнай", "замілаванай і шчырай", переводилась на русский, издавалась в Москве.

В упомянутом нами очерке "Даверлівая зямля" (1970) Я. Сипаков, еще в столице решивший "паназіраць за якім-небудзь калгасам", в деревне растерялся от собственной не четко поставленной творческой цели, ибо почувствовал сопротивление жизни, которая требовала к себе более концентрированного внимания. Публицист же был настроен на лирический лад и от жизни требовал сердечной взаимности, напряженно ожидая ее откровений:

"Пачало сутоньвацца. Не ведаю, як каму, а мне заўсёды вельмі ж даспадобы тая пара, калі вось гэтыя светла-шэрыя прыцемкі яшчэ не назавеш вечарам... Хораша тады, не ўключаючы святла, у цёмным пакоі сядзець вось так ля акна і рассяяна глядзець на вуліцу... Калі ёсць добры і ўважлівы субяседнік, можна нават разгаварыцца ў такі ціхі час і шчыра, не тоячыся, прызнацца яму ў нейкіх сваіх вельмі асабістых болях ці радасцях... Мы (автор очерка и его герой, председатель колхоза – **А.К.**) доўга сядзелі і маўчалі, і мне здавалася, што вось зараз, вось у гэтую хвіліну павінна ўзнікнуць нейкая шчырая гаворка... Ты парушыў цішыню першы:

-Зараз паеду ў Міжкалгасбуд.

-А ты ж толькі ездзіў. Там што-небудзь здарылася?

-Не здарылася, але можа здарыцца, - нехаця адказаў ты, і я зразумеў, што той гаворкі, акая вось-вось павінна была ціха зачэпіцца і загучаць, не адбудзецца. Незадаволены, злы на сябе, паціху іду па вуліцы..."

Итак, не дождавшись от жизни откровений, автор-наблюдатель идет по деревенской улице и видит пасущихся на лугу лошадей. Поскольку жизнь людей от него ускользнула, делать нечего, стал смотреть и описывать лошадей: их роль и значение, а также гривы, хвосты, копыта. Описательство колхозных коней заняло 7 (семь!) страниц книжного текста. Чтобы придать какой-нибудь смысл сочинительству, никак не мотивированному творческим замыслом, публицист на седьмой странице напускает на себя глубокомыслие:

"Колькі радасці і колькі гора заўсёды даваў селяніну яго вялікасць Конь. А сёння ўжо нібыта і не патрэбен. Божа мой, колькі коней мог бы купіць сёння

кожны калгаснік! За год. І нават за адну сваю месячную зарплату. А колькі конскіх сіл прыручылі і прымусілі працаваць на сябе ў сваіх гарадскіх кватэрах нават мы, нашчадкі бясконных некалі сялян, якія, разумеюць, не здзіўляюцца і на заўважаюць нават, што сёння знікла ці не асноўная галіна з колішняй зладзейскай практыкі – канакрадства. А конь, як і ўсе звязаныя з ім раней спрэчкі, сваркі, крыўды, пакуты, паступова адыходзіць у мінулае – усё далей і далей. І ўжо неяк напраўду ўяўляецца той час, калі нашым унукам будуць паказваць каня ў звярынцах...”

В приведенном отрывке перемешаны: лирика, боль, искренность, неправда, незнание жизни, наивность, вера в “незваротны працэс механізацыі”, беспомощность автора, способного выпускника белорусской школы публицистики. Благодаря этой школе и происходит в белорусской публицистике ... профессиональное саморазоблачение авторов.

6.

Белорусские публицисты, по традиции настроенные на описательство, регистрируют буквально все, что происходит с ними в поездке. Перво-наперво они, конечно же, едут куда-то в автобусе. С этого начинаются путевые очерки.

“Аўтобус Мазыр-Букча весела коціць па ўезджанай дарозе, час ад часу размінаючыся з сустрэчнымі машынамі або спыняючыся, каб падвезці то цётку з хатулём за плячыма, то гаманлівую чародку школьнікаў. Людна цяпер на палескіх дарогах. І ўсе ездзяць – хадзіць зусім адвыклі...” И т.д. – почти восемь страниц! (Вера Полторан, очерк «Дзівасі» из одноименной книги, 1974).

«Аўтобус ідзе па выбітай грунтовай дарозе, калыхаючыся з боку на бок па глыбокіх калюжынах. За яго вокнамі зямля то раптам падываецца на дыбкі, то, прыціснутая пablіжэлым небам, падае пад колы аўтобуса. Бяжыць хвіліна за хвілінаю, і, нарэшце, раскалыханая зямля застывае ў нерухомаści, а над ёю, на той жа адлегласці, што і заўсёды, павісае блакітнае неба. Аўтобус выбіраецца на роўную дарогу...” (В той же книге - очерк “Ключы ад сезама”.)

“Нас, чатырох пасажыраў райкомаўскага “газіка”, сабрала разам адна дарога: дабіраемся ў калгас “Бальшавік”. Перад дарогай пазнаёмліся: інструктар райкома камсамола Валодзя Іваноў, начальнік вытворчага ўпраўлення Аляксандр Петухоў, сакратар парткома Андрэй Ляхаў... Трымціць, лапоча над галавою старэнькі палінялы брызент, натужна вые матор, машына, выпаўшы з аднае калюжыны, тут жа нырае ў другую...” (В той же книге – очерк «На зямлі палескай».)

“Паварот. Не паспееш пераступіць з аднае нагі на другую, каб знайсці раўнавагу, - зноў круты паварот. І яшчэ-чэ... Во круціць! Адчуванне такое, нібыта едзеш не па аршанскіх вуліцах, а па Ваенна-Грузінскай дарозе. Нарэшце, пакружыўшы, аўтобус накіроўваецца на шырокую, усю ў зеляніне дрэў і вяселькавай яркасці кветак вуліцу...” (В той же книге – из очерка “Лён мой, лён”.)

В книге В.Полторан (одной из лучших в белорусской публицистике!) пять путевых очерков, четыре из них начинаются трафаретно – из описания дороги. Посмотрим, как у других авторов.

Анатоль Клышка, Янка Сипаков:

“Выпраўлены ў пуцявіну добрым чалавекам, чысты, лёгкі на ногі “ЗІЛ” са старавераўскай рыфмай “Мінск-Пінск” імчыць нас у гушчыню ліпнёвага надвячорка. За горадам машыну падхопліваюць хвалі пагоркаў... Насустрач радасна імчацца грузавікі, несучы на шырокіх плячах першыя тоны спелага жыта, першыя тоны жніва. Машыны цяжка сапуць, папраўляючы сваю важкую ношу. А цераз дарогу перабягаюць мачты высокіх вольт з лічыльнікамі ізалятараў...” (Із очерка «Паэма дарог», 1961).

Борис Саченко:

«З Мінска выехалі позна ўвечары цягніком на Гомель – з Гомеля мелася пачацца і наша падарожжа па Палессі... У вагоне я доўга не мог заснуць – ці не таму, што нарэшце вырваўся з тлумнага горада, еду далей ад рэдакцыйнага клопату...” (Із очерка «Зямля маіх продкаў», 1963).

Игнат Дубровский:

«Мы з Васілём ... едзем за Днепра-Бугскі канал, на поўдзень раёна... Машына імпэтна ўзлятае на мост, як самалёт у паветра са ўзлётнай паласы...” (Із очерка «Шчодрія буслы», 1975).

Михась Стрельцов:

«Тады, у чэрвені, у Мурманск мы таксама ляцелі самалётам. Мы – гэта паэт Уладзімір Паўлаў ... і я. Як вылецелі з Ленінграда, прыпалі да ілюмінатара: здавалася, дасюль было ўсё знаёмае, звычайнае, а тут павінна было адразу пачацца нешта адметнае, не падобнае ні на што. Дарэмна! Усё той жа неабдымна шырокі гарызонт, засланы воблакамі, воблакі – таксама ўнізе, а паміж імі відна была зямля: лапікі азёр, цёмныя астраўкі лесу, лініі шасейных і чыгуначных дарог...” (Із очерка «Дзень у шэсцьдзесят сутак», 1964).

Янка Сипаков:

«Аўтобус, весела пафыркваючы, выбягае з Мінусінска. У аўтобусе душна. І ціха – каму ахвота ў такую задуху язык варочаць! Не спяшаючыся, перабегла дарогу спакойная задумёная Оя... Удалечыні, дзіўнавата выгінаючыся, блішчыць танючэнькі Енісей...” (Із очерка «Там, дзе Сібір...», 1969).

Михась Чарот:

«Выехалі з Мінска каля дзевятай гадзіны раніцы. Неба пахмурнае. Пырскае дробны дожджык... Дарогі перарэзаліся глыбокімі лужынамі...” (Із очерка «1200 вёрст па Беларусі», 1924.)

Змитрок Бядуля:

«Выехалі мы з Мінска ... раніцвай. Надвор’е было вельмі добрае, сонечнае, яскравае... Цягнік імпэтна імчаў наперад у напрамку да Оршы. Рэйкі блішчэлі пад яркім сонцам. Мітусілася ў вачах...” (Із очерка «10 дзён падарожжа па Беларусі», 1925.)

Михась Зарецкий:

«Мы едзем з поўначы на поўдзень па Любанскаму раёну Бабруйскае акругі. Гэта мясцовасць, складаўшая акрайную частку ранейшай Случчыны... Спачатку вабіць, узнімае настрой гэтая лёгкая шырыня, ... а потым...” (Із очерка «Падарожжа на новую зямлю», 1929.)

Якуб Колас:

“26 мая выехаў я з Мінска. Да мяне далучыўся яшчэ адзін вандроўнік, які прыехаў з Украіны, мастак па прафесіі. У Оршы зрабілі астаноўку, каб хоць з вышыні птушынага палёту азнаёміцца з горадам...” (Из очерка “Паездка на Асінбуд”, 1929.)

Василь Сташевский:

«Вось праедзем крыху, - кажа наш балагол, - а там будзе простая дарога аж у самыя Сосны. Гэтае «крыху» складае добрыя два дзесяткі кіламетраў і ўецца між хмызняку і лесу, нібыта вужака. Мы едем...” (Из очерка «Па сонечным шляху», 1929.)

Петрусь Бровка, Петро Глебка:

«Дарога была малазнаёмая. Мы спатыкаліся ўпоцёмку на каменні, падалі ў глыбокія каляіны, вязлі ў сыпучым пяску, блыталіся ў густой няскошанай траве. Гэтак ішлі мы гадзіны дзве...” (Из очерка «Ураджай», 1933.)

Леонид Леванович:

«Нястомна стукочуць колы цягніка. Раніца светлая, на небе ні аблачынкі. Бярозы ўжо ўспыхнулі залацістым полымем і нібы цягнуцца на дыбкі, каб лізнуць гарачымі языкамі патэльнію сіняга неба. Паўз чыгунку часта трапляюцца вёскі...” (Из очерка “Зямля і людзі”, 1979.)

7.

И вот дорога позади. Набросав путевых штампов и глупостей, публицисты приехали на место.

«Я ўпершыню прыехаў у гэтую вёску і ўслухоўваўся ў яе цішыню. Аднак за гучным скрыпеннем і хрустам крышталёў ільду мне ўгадваліся спадзяванні і клопаты, надзеі і трывогі сялян: за самую зімоўку жывёлы, за добры выхад пры апаросах, акотах, ацёлах, за багатыя надоі і далейшае развіццё выдатнага племя каровінага...”

Так пишет Василь Яковенко в очерке “Каля малочнай ракі” (1989), не замечая самопародийности текста и анекдотичности собственного положения. На сей раз он приехал в деревню искать не “духоўнасць”, а истоки высоких надоев у передовых доярок: “Мне даўно хацелася прыгледзецца ўважлівей да гэтых стаханавак, да зорак на небасхіле нашага малочнага краю, разгадаць прычыны іх узыходжанняў і падзенняў...”

Разгадку автор осуществляет наилучшим журналистским методом: через председателя колхоза вызывает в контору доярок и допрашивает их. Названный очерк кое-как собран из поверхностных интервью на узко-производственную тему. Автор это понимает и расширяет тематический диапазон:

«Я слухаў іх і радаваўся: даяркі, дый той жа пастух, у статку бачаць, бачаць карову з усімі яе адметнасцямі, норавам, звычкамі. Ці чуеце, людзі? Я думаў яшчэ: як жа пасля гэтага трэба ставіцца да чалавека ў грамадстве, як ашчаджаць і шанаваць ягоную душу, аберагаць яе ад чванлівасці, чэрствасці, раўнадушша, каб разумны чалавек мог адчуць камфорт, утульнасць, цеплыню ў вялікім грамадстве і клапаціцца ў сваю чаргу пра грамадства”.

Данная аналогия – анекдотична. Правильная сентенция базирується здесь на зыбком фундаменте. Так случилось потому, что автору не удалось разгадать

жизненные тайны. Методом скоротечных интервью можно собрать только начальную информацию, а далее, оттолкнувшись от нее, изучать проблему “молочной реки” глубже, шире, в контексте государства и общества. Но автор взял интервью - и остановился.

Та же творческая остановка - на интервью - произошла с В.Яковенко и в очерке “Наперад па крузе” (1989). Несколько дальше от интервью оторвался Янка Сипаков в очерке “Даверливая зямля”, вводя в текст лирические отступления, зачастую, как мы уже отмечали, растянутые, надуманные (про коней). Если их не замечать, то полтора-два страниц текста по сути представляют собой этакий мексиканский (бесконечный) сериал интервью: автор без определенной цели ходит по деревне, встречается с дядьками и тетками, спрашивает, заносит в блокнот, затем воспроизводит в очерке, дополняя теми самыми конями.

И здесь - внимание! – мы подходим к тому вредоносному источнику, который заполняет белорусскую публицистику описательством и штампами. Журналистская технология сбора информации (жизненного материала) превращается в очерках публицистов в самоцель. Не углубляясь в жизнь, они углубляются в себя. В таком случае могло бы выйти эссе, но, увы, выходит в основном то, как автобус едет по дороге, а березы своими языками лижут небеса.

Технология изучения жизни многими белорусскими публицистами выдается за самоё жизнь. Мы наблюдаем лишь незавершенный процесс исследования, который брошен, не доведен до конца. Это случается потому, что публициста ведут не исследовательские идеи, а технологические хлопоты, обязательные в любой работе. От токаря мы ждем выточенную деталь, а не процесс ее вытачивания. Публицист должен представить читателю разработанную концепцию, а не методику ее шлифовки, как это принято у белорусских авторов, поющих о том, что они видят справа и слева по пути, но опасаящихся подняться до обобщающей мысли.

Белорусская публицистика вызывает у читателя досаду, как незавершенный половой акт. Но публицисты к этому, похоже, приспособились и даже нашли искусственные заменители.

8.

Заменителей публицистики мы сейчас увидим в текстах Геннадия Пашкова. Прочитируем отрывки из его очерковой книги “Будзень як свята” (1970):

“Іван Майсеевіч Пацярайчанка глянуў угору і ажно спыніўся. Яшчэ ўчора густалісты, ярка-рыжы ясень сёння чарнеў голымі галінамі. І толькі дзе-нідзе на самай верхавінцы можна было ўбачыць яшчэ трапяткі лісцік. Адзін з іх раптам гайдануўся...”

“Ён падышоў да акна, глянуў на дарогу, што вяла да камбіната. Рабочыя першай змены прайшлі ўжо, і там было пуста. Толькі на супрацьлеглым баку вуліцы, ля аўтобусага прыпынку, стаялі дзе жанчыны... Мікола зняў з крэсла плашч, павесіў у шафу, падсунуў крэсла бліжэй да акна, сеў. Зноў задумаўся. Успомніў сваю сям’ю, бацьку...”

“Было ўжо далёка за поўнач, калі Пацярайчанка лёг спаць. Ён доўга варочаўся, ніяк не прыходзіў сон: усё не пакідала ўзрушанасць, выкліканая сённяшнікі падзеямі. А за акном плыла ноч, цёплая, ціхая. Было чуваць, як...”

“Заглянуўшы хвілін колькі назад у нарыхтоўчае аддзяленне і ўбачыўшы, як шчыруюць ля сапсаванага млына Пацярайчанка і яго хлопцы, Корачкін падумаў, што на вытворчасці ім, маладым, рабочы ты ці інжынер, заўсёды важна на самым пачатку атрымаць добрую рабочую загартоўку...”

“Праз некаторы час яго апанавалі ранейшыя думкі. Цяпер успомнілася, як ён са сваімі хлопцамі біўся над той “цуда-сушылкай”... Бясконцыя выпрабаванні ставілі перад людзьмі ўсё новыя праблемы. Адна з найскладанейшых – як у вежавую сушылку падаць пад вялікім ціскам шлікер...”

“Навінка, што з’явілася на Мінскім будаўнічым камбінаце, неўзабаве абляцела ўсю краіну. Новым спосабам вытворчасці прэс-парашку зацікавіліся многія аднатышныя прадпрыемствы...”

“Партыйны сход ішоў больш за гадзіну, а ўсё яшчэ не было відаць канца нявырашаным праблемам... Сёння, мусіць, кожны камуніст цэха адчуў, наколькі важна збірацца вось так, разам, выносіць на агульны разгляд набалелае...”

“Рабочыя пастаялі і цяпер ужо моўчкі глядзелі на дзівоснае сонца, на блізкія палі, на прысады рабочага пасёлка. І раптам усе выразна пачулі трывожныя галасы. Іван Майсеевіч узняў галаву: проста ад сонца, у густым зарыве, плылі журавы. Стомленыя за дзень, яны паволі шасталі крыламі ўслед за важаком, які, мусіць, выглядаў з вышыні прыдатнае для начлегу балотца. У твар дыхнула халодным і пранізлівым ветрам. Пацярайчанка яшчэ пастаяў хвілін колькі...”

В белорусской литературной критике подобная смесь газетных болванок и сомнительного психологизма, когда автор думает за людей и даже за журавлей, называется “художественно-документальным очерком”. Не зная материала, не имея концепции в его подаче, автор пользуется беллетристическими заместителями: описывает природу, бесцеремонно проникает в душу реального человека, неоправданно эксплуатирует диалог. В публицистику привносятся чужеродные элементы, документальный очерк превращается в плохую повесть, написанную неизвестно зачем и для кого.

Очерк, сделанный “под повесть”, - стихийное бедствие в белорусской публицистике. В “документально-художественных” очерках отсутствуют ирония, самоирония. Все здесь чересчур лирично либо чрезвычайно серьезно, нет чувства меры, правит дурной вкус. Во вялом тексте, как в вате, глушится публицистический посыл, даже если он наличествовал в творческом замысле автора.

9.

В данной лекции мы сосредоточились на неудачах белорусской публицистики потому, что они масштабны, всеобъемлющи, они определяют ее суть.

Случаются ли в белорусской публицистике удачи? К счастью, - да. При этом опять-таки просматривается закономерность: удачи сопутствуют

публицистам только тогда, когда публицисты освобождаются из плена традиции.

Особняком стоит в белорусской публицистике книга “Я з вогненнай вёскі” (1975), написанная Алесем Адамовичем, Янкой Брылем, Владимиром Колесником. Прежде чем ее написать, авторы выслушали чудом спасшихся жителей сожженных гитлеровскими оккупантами деревень. Их рассказы – основа книги. Публицисты относятся к этим рассказам, как к святому тексту, адресованному всему человечеству, отвергающему фашизм, расизм. Авторы книги сохранили для потомков все детали, все нюансы, все речевые неправильности монологов – книга вышла честная, правдивая, поистине документальная.

Скупые авторские комментарии нигде не смешиваются с речью героев, а звучат, как контекст, усиливающий публицистический резонанс произведения. Адамович, Брыль, Колесник продемонстрировали высочайший профессионализм публицистов, их книга – вершинное достижение белорусской публицистики. К сожалению, она не столь мощно «раскручена», как, допустим, книги С.Алексиевич, созданные в таком же жанре документального рассказа-монолога, и не получила мировой славы. Однако учиться мастерству молодым журналистам следовало бы именно по книге «Я из огненной деревне».

Названная книга, как мы уже сказали, стоит особняком на вершине, рядом с ней мы рискнули бы поставить разве только дневник Максима Горьцкого «На імперыялістычнай вайне». Белорусские публицисты любят бесхитростные дневниковые записи так же, как и описательный путевой очерк. Увы, их многочисленные и пространные дневники не несут к читателю мощный публицистический заряд, оставаясь в основном фактами литературной биографии известных авторов.

Из рыхлой массы белорусской публицистики, настроенной на бесконфликтность и описательность, можно выделить проблемный очерк Василя Яковенко «Другой зямлі не будзе», где автор, оттолкнувшись от конкретной ситуации (бездумной мелиорации Полесья), поднялся до системного взгляда на проблемы общества, государства, экономики, морали, человека.

В сыром, сером, традиционном для белорусской публицистики потоке лирической «замілаванасці» талантливыми блесками обращают на себя внимание упомянутые нами очерк Веры Полторан “Дзівасіл” и эссе Михася Стрельцова “Дзень у шэсцьдзесят сутак”. Их авторы сумели в свои личные впечатления от реальных картинок действительности заложить публицистический порох, профессионально прицелиться и поразить читателя в самое сердце. Лирика может быть публицистична, если подается с определенной целью.

Среди ярких публицистических работ стоит, тоже особняком, эссе Василя Быкова “Вайна і перамога”, где автор, преодолевая идеологические и психологические стереотипы массового сознания, выстреливает в читателя новой, шокирующей правдой о Великой Отечественной войне. Истинная публицистика – всегда выстрел, а не пшик.

Названные в последней главе нашей лекции произведения мы и рекомендуем для **обязательного чтения** молодым журналистам, решив на сей раз обойтись без традиционного списка литературы.

Дополнение к лекции

(из личного архива публициста Анатолия Козловича)

1979 год.

Меня, собственного корреспондента «Литературной газеты» по Белорусской ССР, срочно вызвали в отдел пропаганды и агитации ЦК КПБ. Я не мешкая явился, куда было приказано, - в кабинет замзава указанного отдела. В кабинете увидел многих собратьев по союзу писателей и по союзу журналистов. Все сидели в напряженном ожидании: зачем вызвали? Что случилось?

Замзав наконец начал разговор. Его речь была торжественной:

«Уважаемые товарищи! Как вы знаете, только что опубликованы «Воспоминания» Леонида Ильича Брежнева. Надеюсь, вы уже познакомились с этим выдающимся документом нашего времени, с ярким произведением художественной публицистики, где в центре повествования – одаренная личность автора. Как вы заметили, Леонид Ильич пишет и о нашей Белоруссии, где ему пришлось трудиться в конце двадцатых годов...

(В воспоминаниях была одна фраза: «Следующий полевой сезон провел в Белоруссии, под Оршей». – **А.К.**)

Мы собрали сегодня лучшие перья республики, продолжал замзав. – Убедительно вас просим отложить все свои дела. Необходимо дополнить картины, нарисованные Леонидом Ильичем, картинами сегодняшнего дня. Мы создадим бригады публицистов. Они выедут в Оршанский и Толочинский районы. Необходимо посмотреть на те места, где жил и трудился Леонид Ильич. Необходимо найти людей, которые его помнят. В общем, товарищи, вам выпала большая честь продолжить художественно-документальную летопись нашей эпохи, так ярко начатую Леонидом Ильичем Брежневым».

Потупив глаза, мы слушали речь в общем-то нормального, не обюрокраченного человека. Я хорошо знал замзава, он сам был когда-то журналистом в Бресте, он печатал в областной газете «Заря» мои первые стихи. Я это помнил, я, можно сказать, его обожал, как обожает автор своего первого редактора, своего крестного отца. Наверно, мое уважение к нему и придало мне смелости (или наглости, или совести). Не без робости я встал и сообщил, что получил от редакции «ЛГ» срочное задание (я врал) и что выехать с бригадой публицистов по следам Леонида Ильича никак не могу.

Замзав меня выслушал и неожиданно согласился со мной: «Да-да! Выполняйте задание редакции. У нас, как вижу, и без вас есть кому выехать в районы».

Неужто он понял, что мне противно? Но если так, то и ему самому было противно собирать публицистов, произносить панегирик «Воспоминаниям» Брежнева, написанным угодливыми московскими публицистами, формировать бригады, ставить им задачу. Или он делал свою аппаратную работу самозабвенно, искренне? Этого я не узнаю никогда, мой первый редактор умер.

Бригады белорусских публицистов срочно отправились выполнять почетное задание партии – и выполнили с блеском. Конечно, никаких реальных следов Леонида Ильича в Оршанском и Толочинском районах они не обнаружили, но в материалах написали, что эти следы видели своими глазами. В очерках был нарисован великий землемер Брежнев, благодаря которому сельское хозяйство Белоруссии достигло огромных успехов. Особенно постарались Геннадий Пашков и Янка Сипаков, своим лирическим талантом восславившие следы генсека КПСС.

В белорусской публицистике прибавилось лживых произведений.

www.kamunikat.org